

Школа
стукачей

ВИНСЕНТ
КИЛПАСТОР

ШКОЛА
СТУКАЧЕЙ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К39

Килпастор, Винсент.

К39 Школа стукачей / Винсент Килпастор. — Москва :
Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Школа стукачей.
Тюремно-приключенческая жесь).

ISBN 978-5-699-84227-8

Александр совершает кражу на фирме, где работает, и попадает в узбекскую зону. Поскольку у него высшее образование, его сначала направляют работать в библиотеку, а позже — на промышленную зону, на должность инженера по технике безопасности. О чем еще можно мечтать на зоне? Непыльная работенка, маленький личный кабинет. Но спокойная жизнь вскоре заканчивается. Героя вызывает к себе начальник тюрьмы и вербует Александра в стукачи, присвоив ему «погоняло» Элвис...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84227-8

© Килпастор В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ОБ АВТОРЕ

Этот человек живет сегодня далеко за пределами Узбекистана. Работает переводчиком, на досуге пишет рассказы и повести о днях, проведенных в узбекской тюрьме. О том, как был сексотом, как торговал наркотиками «в зоне», как участвовал в силовой «обработке» «борцов за идеи халифата».

Он называет себя «Винсентом Килпастором»: видимо, время озвучить настоящее имя еще не пришло.

«Винсент» сам связался с редакцией «Ферганы», когда прочитал наши статьи про «тюремного палача» Александра Рахманова, или «дядю Шурыяна», и узнал его на видео.

Мы попросили «Винсента» рассказать о днях заключения и о знакомстве с Рахмановым. Получилось интервью — не слишком содержательное, но все же весьма показательное и интересное.

Вы читаете исповедь еще одного бывшего негласного агента тюремной администрации. Тем не менее узбекская тюрьма по-прежнему хранит свои самые главные тайны.

* * *

— Вы можете назвать свое имя? Если нет — почему?

— Пожалуйста, называйте меня Винсент Килпастор. В отличие от дяди Шурыяна, я не хочу, чтобы через месяц

на этом самом сайте обо мне писали уже в прошедшем времени. Поэтому размахивать паспортом перед камерой я считаю непозволительной роскошью.

— Где вы родились? Расскажите кратко о себе, хотя бы в общих чертах.

— Родился в Ташкенте, страна тогда называлась СССР. Отец занимал положение, скажем, выше среднего в партийных структурах. Незаконченное высшее образование. Получил первый срок и доучивался уже в ташкентской тюрьме, потом в учреждении УЯ 64/32 Папского района Наманганской области, также в учреждении КИН 1 Зангиота Ташкентской области.

— Где вы сейчас находитесь?

— В Соединенных Штатах Америки.

— В Интернете опубликованы некоторые Ваши литературные произведения. Литература — Ваша основная профессия или крик души? Почему Вы стали писать?

— Литература — не основная моя профессия. Иногда я анализирую время, проведенное вне закона, то есть годы в розыске и годы отсидки, и получается, что одно из основных моих занятий — это то, о чем, как говорят англичане, не принято говорить в хорошей компании за чашкой чая.

Но писательский труд дает мне некое чувство успокоения. Это своеобразная терапия, если хотите. Есть такой старый американский фильм — «Форрест Гамп». Там умственно отсталый человек сидит на автобусной остановке и рассказывает всем про свою жизнь. Всем, кто станет слушать. Вот чем для меня является литература. Желает

ние быть выслушанным кем угодно, а также, наверное, и форма умственной отсталости — если вспоминать все, что я в своей жизни проделал. Только не совсем нормальный человек вдруг решится это опубликовать.

Книги автора под псевдонимом «Винсент Килпастор» доступны на веб-портале Proza.ru (сборники рассказов «Depressed» и «Баланд ер булдим! Я стал баландером!», повестей «Винсент, убей пастора» и «Убей Чинтуку Ганди»), а также на сайте FeedBoks.com («Школа стукачей»).

В это интервью уместится очень мало, поэтому тех, кого заинтересуют подробности, милости прошу на американские и российские ресурсы, где мои книги можно скачать бесплатно.

Книга «Школа стукачей», а также готовящаяся к публикации повесть «Кладбище благородных» — частично именно о том, о чем рассказывает в своем интервью Шурян.

— Чем кроме писательства вы занимаетесь в жизни?

— Я — профессиональный переводчик с английского. Эти навыки пригодились даже в тюрьме.

— Как Вы попали в узбекскую тюрьму? За что и когда были осуждены? Когда освободились?

— Я не «борец с режимом». Самый обычный, хотя и не типичный, уголовник. Первый срок получил за кражу. Потом был второй. Третьего удалось избежать благодаря тому факту, что я к этому времени уже досконально изучил и Уголовный, и Уголовно-процессуальный кодекс, где есть понятие «срок давности». В общей сложности непосредственно за решеткой провел только шесть с половиной

лет. Большую часть на усиленном режиме, два года — на строгом. Попал в розыск в 1995 году. Освободился со второго срока в 2003 году.

— Как вы познакомились с «дядей Шуряном», при каких обстоятельствах? Расскажите, пожалуйста, по-подробнее об этой фигуре (история, психологическая характеристика и прочее).

— Ну, я — человек в этой системе маленький. Не было бы дяди Шуряна, не было бы этого интервью. Поэтому, пользуясь случаем и возможностью, хочу передать этому дяде бородатому «привет». Как говорится в кино: «Ты зачем усы сбрил, Шурик?»

Что-то мне подсказывает, что ты, Шурян, тоже будешь это читать. (Напомним, по данным «Ферганы», А. Рахманов был убит вскоре после публикации данного интервью.)

Вы уж простите меня за лирику, но, в отличие от многих увидевших на «Фергане» печальную физиономию Рахманова, я лично обрадовался ему, как родному. Такое было чувство, будто товарища по окопам встретил после многих лет разлуки. Плохое-то с годами забывается...

Я могу только предполагать, что тебя толкнуло на это видеointerview. Меня же раззадорили комментарии некоторых «аналитиков» к самому материалу. А теперь по порядку.

По версии некоторых комментаторов, Рахманов был марионеткой в битве спецслужб Узбекистана и появился в Алма-Ате специально для того, чтобы «утопить» всемогущего министра МВД республики Зокира Алматова или пригрозить тому сливом компромата (пресловутый чемоданчик с документами). То есть, согласно этому предполо-

жению, Рахманов действовал по заданию конкурирующей с МВД Узбекистана организации — Службы национальной безопасности (СНБ). Однако в своем видеосюжете Рахманов рассказывает, что выполнял приказы как сотрудников МВД, так и СНБ республики Узбекистан (повторяет это два раза). А в конце видеозаписи он говорит, что транспортировкой и торговлей героином занимается именно Служба национальной безопасности. Потом уточняет, что «эта сфера поделена между МВД и СНБ». Так что вряд ли это был компромат на Алматова со стороны Иноятова — в признаниях «тюремного палача» достается всем...

Когда меня арестовали, я больше года бегал. Устал бояться. Поэтому следователю быстро во всем признался, чтобы он только поскорее отстал. Большинство следователей — продуманные до мелочей люди, способные на любую подлость, вплоть до взятия в заложники или оказания давления на ваших близких, пока вы «бегаеете».

Мой следователь не поверил, что я рассказал ему все. Поэтому я попал в камеру с «наседкой» сначала в городском управлении милиции (ГУМ), но там был еще один паренек в камере, уже сидевший ранее, и он предупредил меня о том, что третий пассажир в хате — стукач. Оттуда меня перевели в спецподвал второго *аула* ташкентской тюрьмы, где я и повстречался впервые с дядей Шуряном.

А от следователя я ничего не скрыл. Кроме того, находился в абстиненции из-за отъема сильнодействующих наркотиков, и Шурян быстро определил, что толку от меня мало. Зажигалок и пакетов ему для этого не потребовалось. По истечении четырех дней меня перевели в

«нормальную» хату. В деталях и подробностях эта встреча описана в моем рассказе «Баланд ер булдим».

Вторая встреча произошла через четыре с половиной года, когда я со вторым сроком попал уже на строгий режим в учреждение КИН 1, поселок Зангиота Ташкентской области. Там мы с дядей Шуряном встретились уже как сослуживцы.

Дело в том, что за четыре года, проведенных в КИН 32, я стал негласным агентом начальника оперативного отдела майора Умарова К.К.

Вскоре я даже возглавил агентурную ячейку, которая работала в промышленной зоне колонии. Так как большинство уголовных авторитетов в Папской зоне были связаны с администрацией, а зона хоть и называлась «черной», но была, как и производимые в ней калоши, «красной» изнутри, наша деятельность в Папе сводилась к чистой экономике. Мы контролировали львиную долю торговли наркотиками, украденными из столовой продуктами, неучтенными калошами и даже открыли ряд маленьких частных цехов. Вся инкассация производилась в стол начальнику оперативной части. Он, в свою очередь, ездил «с гостинцами» в Ташкент. Политических в Уйгурсае не было. Так что бить кого-либо или закапывать в негашеную известь там не пришлось.

В деталях и с фамилиями все это описано в моей короткой повести «Школа стукачей».

Так что в Зангиоту я приехал уже созревшим «красным». Стукачом, лохмачом, козлом, сексотом — как вам будет угодно...

Зангиота — зона уникальная. Близость Ташкента и возможность неожиданного наезда высокой комиссии заставляют администрацию соблюдать стандарты условий содержания.

Еще Зангиота уникальна тем, что там сосуществуют и блатные, и «общественники». То есть зона и не «красная», и не «черная». Есть и положенец, и СПП — секция профилактики правонарушений, это типа полицаев на оккупированных фашистами территориях.

Обычно администрация опирается только на блатных — тогда эта зона называется «черной». Если же на «общественников», тогда эта зона — «красная». Наивно полагать, что в стране с такой сильной властью президента могут быть зоны, в которых управляют эдакие «робин гуды» — воры в законе и они совершенно независимы от МВД. Не будем детьми. Просто такие, как Шурян и я, не скрывают, что работают на ментов, а вот поборники воровского закона — «кристально чистые мужики».

Шурян очень помог мне устроиться по приезду. Сразу перетянул в отряд номер один — где гнездились все, так или иначе связанные с администрацией. В отряде были одноярусные кровати, и вместо гимна Узбекистана, как в других бараках, завхоз каждое утро включал нам «Владимирский централ». Попал из сексотов в полицаи. Задача СПП похожа. Так что вскоре по Зангиоте расхаживал уже с очень похожей на гестаповскую повязкой на левой руке.

— По возможности назовите, пожалуйста, фамилии людей, которые могли бы знать Рахманова, подтвердить его слова, признания.

— Простите, я, конечно, присяги никому не давал, только подписку, но вот попадают среди нас стукачи идейные, действительно ненавидящие блатных. Шурян — один из них. Я сам один из них. Почти все мои сидевшие

друзья — это те, кого на фене называют «гады, козлы и суки». Фамилий не будет. Можете снова это назвать «заказухой». А подтвердить — да ради бога. Любого спросите, я повторю: любого, кроме сумасшедших, сидевшего в период с середины 1990-х по начало 2000-х, кто такой Шурян. И следите за выражениями их лиц. А также любого, кто бывал в Зангиоте в период начала 2000-х. Шуряна не заставляли выполнять общественную работу, он ведь заслуженный «ветеран» у нас был. Но иногда он от скуки становился в воротах, ведущих в столовую. Некоторые ловкачи пытаются сделать круг и проскочить в столовую по второму разу. В Карши за это, может, и покалечили бы, но в сытой Зангиоте смотрели сквозь пальцы. Так вот Шурян вставал в воротах и смотрел всем входящим в лицо. Память у него уникальная, фотографическая, можно сказать. Ни один потом не мог на повторную посадку зайти. Это у него развлечение такое было. Поэтому и его в лицо знает ВСЯ Зангиота того периода. Кушать-то все ходили в одну столовую.

— Как Вы думаете, что подвигло Александра Рахманова на такие признания?

— Вот тут загадка. Крутишь чего-то, дядь Шурян! Или хорошо заплатили, или принудили, или, что, на мой субъективный взгляд, наиболее вероятно, он выполнил очередное «задание родины».

— «Работа» «дяди Шуряна» — уникальное явление для узбекских тюрем или это типично?

— Абсолютно типичное явление для любой тюремной системы. Это в кино «работающие под прикрытием» — красотки типа актеров Ножкина или Соломина.

А в жизни вот они какие — как товарищ Шурян. Агентов любая служба вербует не из числа выпускников института, а из тех, кто для задания подходит или уже внедрен.

— Принимали ли вы сами участие в такой деятельности по «обработке» «вовчиков» (религиозных осужденных)?

— Да, участие в обработке «вовчиков» я принимал.

Кроме пары «безбашенных» «торпед», мотающих срока за какие-нибудь садистские убийства, никому в зангитинском СПП это особо не нравилось. Но разница между «канающими по жизни» и общественниками такова: первые мотают срок, вторые — служат. СПП — по сути, военизированная общественная организация. И когда Шурян говорит в интервью, что его де звали «пахан» — это он «чешет». У нас были руководители, начальники смен и замполиты. Но не паханы.

Так что идти «встречать» «вовчиков» приходилось всем по разнарядке.

Этап мы встречали таким образом: сначала они входили в карантин и получали по спине дубинкой. Один раз. Как и все остальные прибывающие этапом на строгий режим, включая «лохмачей».

Потом эспэпэшники похлипче, вроде меня, раздавали им текст гимна Республики Узбекистан. Убеждали спеть хоть куплет. Многие брали и пели. Этого было достаточно. Они получали пять дубинок прописки, брали матрас и шли отдыхать с этапа.

А вот борцы за идеи Хизб ут-тахирира и халифата петь гимн отказывались. С такими «героями» приходилось работать с пристрастием. Со мной «торпедой» в смене ходил

Валерчик, кандидат в мастера спорта по самбо. Ему один раз за его же характер всыпали узбеки на свободе, где-то в Чимгане, в доме отдыха. Девушку его унизили на глазах. Мотиваций — предостаточно. Валерчик мог особо упрямым «Аллаху Акбар» вбить в рот вместе с зубами. Причем чем больше бил, тем больше распаялся.

Это была вторая стадия обработки. Били, но не смертным боем. После такого отсева оставалось из пятнадцати человек в строю человека три, остальные пели гимн. Старательно.

А вот с этими тремя работали уже всем скопом. И прапорщики, и СПП, и офицеры, заглянувшие на огонек после ссоры с женой или в горечи похмелья. Их уже не гимн заставляли петь, а плевать или мочиться на главную книгу мусульман. Это была откровенная провокация: какой верующий станет это делать? Задача была сделать из них инвалидов. Выбор мы им давали.

Зангиота — зона показательная. Умирал от такого «теплого» приема мало кто: успевали довести до сангорода или умирал в «воронке» по дороге — это уж не сказать. Это уже ЧП не в зоне, а на этапе.

Одного, правда, забили: у него гепатит только шел на поправку, а он погеройствовать захотел. Кто же знал? Ну, написали объяснительные, мол «так и было», составили акт — и с миром.

Испытываю ли я угрызения совести? Не знаю. Наверное, нет. У меня на свободе сосед вернулся из-под Кандара инвалидом. Ему там правоверные яйца сапогом раздавили. «Ла Иллаха Иллалах» не хотел кричать.

Все, что от них требовалось, — это спеть гимн Республики Узбекистан. А хизбуты всякие — это признан-

ные официально во всем мире террористические организации.

Хотя гимн Узбекистана меня до сих пор приводит в тихий ужас...

— В своем видеоинтервью Александр Рахманов рассказывает о сотне замученных и убитых. Похоже ли это на правду? Во-вторых, он называет реальные имена убитых. Знакомы ли они вам?

Сотни замученных и убитых? А почему нет? Рахманов ведь на свободе не мог переводчиком устроиться, как я. Выполнял поручения следаков, дознавателей, оперов. Негласная установка по стране: подавлять террористов, ведь их так и американцы называют. Но это я теоретизирую. Фактами не располагаю. На правду похоже. Имена убитых — да он там какие-то распространенные узбекские и корейские фамилии называет. Это типа как сказать «убил англичанина Джона Смита и русского Сергея Иванова».

Не знаю названных им людей.

— Можете ли вы сами назвать кого-то из убитых или замученных, кого пытал Рахманов или вы?

— Нас не знакомили. Мы предлагали им исполнить песню. Дальше — вы знаете.

— Какова иерархия в узбекской тюрьме? Кто конкретно из тюремных начальников руководил тогда бригадой «Шуряна»?

— Я упоминал выше: горстке офицеров и маленькому гарнизону солдат не совладать с зоной в четыре тысячи человек. Поэтому есть блатные или мы, гады. Чтобы все было ровно.